

Лидия Яновская: "Я расскажу о другом..."

Лидия Яновская, автор пяти книг и шестидесяти публикаций о Михаиле Булгакове, стояла у истоков изучения его биографии и творчества. Честный и глубокий исследователь, она, как никто другой, была непосредственным участником его триумфального возвращения в литературу. Тем ценнее ее острый критический взгляд на скрытые и явные литературные и околотрудоведческие процессы, на зарождение и развитие порой дилетантского и недобросовестного "булгаковедения", явления, от которого она всегда и последовательно дистанцировалась.

Публикуемый здесь незавершенный текст встречается в файлах Яновской трижды в разных редакциях, но все три раза как вступительная глава к так и не написанным книгам. Датирован он 1998 - 2001 годами, когда Лидия Яновская, только что завершившая работу над "Записками о Михаиле Булгакове", искала название и форму для новой книги. Один из вариантов текста озаглавлен так: "«Как беззаконная комета». Земная жизнь Михаила Булгакова. Тетрадь нулевая", другой - "Творческий путь Михаила Булгакова. Издание 2-е, восстановленное и переработанное. Тетрадь нулевая" ("Творческий путь Михаила Булгакова" - первая опубликованная книга Яновской о писателе, ставшая откровением для своего времени¹). Третий вариант, "Очерки позднего булгаковедения", по форме больше других похожий на статью, открывается эпиграфом, тоже говорящем о намеченной книге, а завершается формулировкой основных ее идей, замыслом, в котором больше сомнений и вопросов, чем ответов и утверждений, на фоне ясного понимания быстротечности бытия. Отсюда берет начало "Последняя книга, или Треугольник Воланда"², ряд сюжетов которой был впервые намечен в "Очерках", хотя на деле "нулевой тетрадь" для "Последней книги" стала написанная чуть позже полемичная и очень личная статья "Неевклидова геометрия по Михаилу Булгакову"³, с большим трудом пробившаяся в печать.

Мы помещаем ниже и записки литературоведа и архивиста И.Я.Лосиевского о Лидии Яновской - одно из немногих воспоминаний о самой исследовательнице, ушедшей из жизни пять лет назад. В минувшем году исполнилось 90 лет со дня ее рождения.

Андрей Яновский

Лидия Яновская

Очерки позднего булгаковедения

*Журналу были бы очень интересны
новые материалы о Булгакове. Что же
касается истории булгаковедения, для
нас сегодня это не так актуально.*

*Письмо из журнала
«Новый мир», ставшее
толчком к замыслу
этой книги.*

*И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни.*

Анна Ахматова.

В марте 1940 года, очень солнечным, не по-мартовски морозным днем, в Москве хоронили Михаила Булгакова.

Это были достойно организованные похороны. Гроб выставили в кинозале Союза писателей. Произнесли речи. Приходили люди. Знакомые, большей частью актеры, и незнакомые. Е.С.Булгакова записала: «Особенно запомнился молодой человек, дурно одетый, лет двадцати двух, который несколько часов стоял неподвижно в зале, опустив голову, а потом перешел в коридор и там стоял так же неподвижно и тяжело... Девушка с портфелем (стояла несколько часов), которая спросила: "Почему вы его *так* хороните?" (не в церкви), и узнав, что это желание М.А., покачала головой. Попросила фотографию...»

Открытая машина с гробом проехала через Арбатскую площадь, притормозив у памятника Гоголю, потом бульваром, притормозив у памятника Пушкину, к главному входу Большого театра. Здесь толпились, прощаясь, артисты. Потом ко МХАТу. Тут людей было больше – актеры, служащие, капельдинеры... Медленно ехавшую машину проводили до угла, постояли на углу, прощаясь...

И все-таки это были безмолвные похороны. Москва жила своей, очень трудной и не очень сытой жизнью. Шла к концу ледяная и загадочная Финская война; надвигалась Великая отечественная...

Большая страна о писателе Михаиле Булгакове вообще ничего не знала.

В 1946 году Е.С.Булгакова обратилась к И.В.Сталину. После совершенно необходимого ритуального зачина (впрочем, очень скромного: никаких «родной», «великий», никаких «отец народов», просто: «Глубокоуважаемый», и еще, в середине письма: «Дорогой Иосиф Виссарионович» – формула любезности, принятая в русской переписке), писала:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, я прошу Вашего слова в защиту писателя Булгакова... Сейчас, благодаря Вам, советская Россия вспомнила многие несправедливо забытые имена, которыми она может гордиться. Имя Булгакова, так беззаветно отдавшего свое сердце, ум и талант бесконечно любимой им родине, остается непризнанным и погребенным в молчании...»

Молчание было ответом.

Девять лет спустя, в 1955-м – оттепель! – она писала С.Я.Маршаку:

«Когда я слышу по радио (теперь, в последнее время, особенно часто) или читаю в газетах, как перечисляют всех, кого будут издавать в 1955 году, я почти всегда дохожу до слез, иногда впадаю в ярость. Ведь я дала ему клятву перед его смертью, что я добьюсь издания. Перечисляются все: талантливые и бездарные, свои и чужие, искренние и лживые, нужные и ненужные, такие, которые были, есть и будут любимы и уважаемы всегда, и такие, о которых, через год или через 10 лет, скажут что-нибудь вроде как о Сурове... – словом, все. Нет только одного имени, светлого, чистого имени Булгакова».

Сочинения Булгакова начали потихоньку выходить – из ее рук – с начала 60-х годов⁴. Критика осторожно опробовала незнакомое имя.

(Впрочем, в первой половине 60-х явственно прорезывается только один голос – Владимира Лакшина. Е.С.⁵, по поводу его отклика на «Жизнь господина де Мольера»,

писала мне 26 июня 1963 года: Он, «ничего не говоря, написал рецензию о Мольере, которая хороша всячески, а главное прямоотой и смелостью постановки вопроса. Вы увидите в этих моих словах некую шпильку. Чтобы показать, что я и не скрываю ее, пишу об этом. С открытым забралом, следовательно, с открытым сердцем». Отмечу, что «шпилька» была напрасной: тогда и на годы вперед я была непубликуемым автором.)

Официальное, профессорское литературоведение, обученное давать указания с «государственных» позиций «социалистического реализма», спешило одернуть первых критиков. Поначалу, впрочем, без особой страсти. И В.Борщук, авторитетнейший (по должности) ученый из Института мировой литературы, откликаясь на рецензию Анны Берзер по поводу первого однотомника Михаила Булгакова (однотомник вышел в 1966 году, рецензия Анны Берзер - в «Новом мире» № 9 за 1967-й), с замечательной иронией писал: «"Белую гвардию" А.Берзер называет в рецензии "нашей нынешней, жгуче современной прозой". А упоминание об "абстрактном" гуманизме вызывает странную реплику рецензента: "Ну, и без него совсем тоже ведь не проживешь"...». Совершенно уверенный, что одним только цитированием убивает Анну Берзер наповал. (В.Борщук. В защиту историзма. – «Литературная газета», 1968.)

Тиражи книг в тогдашней России были привычно огромны. 150 тысяч экземпляров «Жизни господина де Мольера» на читательские, так сказать, массы особого впечатления не произвели. 50 тысяч экземпляров однотомника с «Белой гвардией» продавались уже из-под прилавка. О том, насколько громадно будущее Булгакова, догадывались немногие – те, кто прочел роман «Мастер и Маргарита» из рук Елены Сергеевны Булгаковой. Список этих людей был невелик: их можно было бы перечесть поименно.

(Живописный рассказ М.О.Чудаковой – «Советская культура», Москва, 12 мая 1991 г. – о том, как она и еще несколько сотрудниц Библиотеки имени Ленина якобы тайком от начальства читали роман до публикации – по машинному списку, попавшему в «Ленинку» вместе с фондом П.С.Попова в 1965 году, - чистой воды беллетристика.

Список Попова действительно попал в отдел рукописей Библиотеки имени Ленина в 1965 году, после смерти владельца. Но Булгаков еще не был тогда знаменит, и ГБ еще не наложила свою тяжкую лапу на все, что было связано с его именем. А

посему доступ к неопубликованным сочинениям Булгакова, в разное время попавшим в государственные архивы, был несложен. Мне никто не мешал читать, скажем, «Собачье сердце», оказавшееся вместе с фондом Ангарского в «Ленинке», а неопубликованные «Бег», «Батум» или «Багровый остров» – в Центральном государственном архиве литературы и искусства. И когда А.З.Вулис, по подсказке Е.С.Булгаковой, затребовал в «Ленинке» «список Попова» – как теперь ясно, ценнейшую, фактически первую полную перепечатку романа – рукопись была беспрепятственно выдана ему в читальный зал. Но текст списка на первый взгляд показался ему аутентичным тому, который мы – независимо друг от друга, Вулис и я – читали дома у Е.С.Булгаковой; текстологические различия, очень важные теперь, тогда не улавливались; и, бегло просмотрев часть первую, А.З.Вулис вторую часть ни просматривать, ни даже заказывать не стал...

«И вот в течение нескольких вечеров – увлекательно повествует Мариэтта Чудакова, – после рабочего дня мы доставали из потайного места толстую машинопись, состоящую из двух частей, и читали по очереди, передавая друг другу». И не рассказывает, что никто в отделе рукописей не мог ни с того ни с сего остаться «после рабочего дня», ибо в жестко и официально указанные часы, за десять минут до закрытия, являлось строгое милицейское лицо и под его холодным, как дуло пистолета, взглядом опечатывались все помещения отдела рукописей: хранилища, служебные комнаты, читальный зал...

Увы, не заметили в отделе рукописей «Ленинки», какое чудо попало к ним вместе с фондом Попова. Приведенное повествование – образец сочинительства, в данном случае, правда, безобидного.)

А потом произошел взрыв. Или, пожалуй, это было более похоже на одну из фантастических Воландовых гроз, пронесшуюся над страной: вышел в свет роман «Мастер и Маргарита». В журнальной публикации, изрезанный купюрами, он мгновенно – целый роман! – начал переписываться на бедной тогдашней технике – пишущих машинках, и даже вручную... Тут же переизданный за границей полностью, стал просачиваться через таможи, прилипая к рукам таможенников, которые тоже

хотели читать великий роман... И почти сразу – нарастающее эхо переводов едва ли не на все языки мира...

В советской России тиражи определялись «сверху» – в целях воспитания трудящихся масс. Но роман «Мастер и Маргарита» странным образом взламывал принятые и утвержденные планы. Издательства «пробивали», издательства вымаливали право выпустить еще сто тысяч... Еще сто... тысяч, разумеется... Но и при этих безумных, быстро приблизившихся к первому миллиону тиражах книгу не покупали – книгу добывали: из-под прилавка, с доплатой, через знакомых продавщиц...

По-настоящему тиражи пошли с началом «перестройки». Теперь их все последовательнее определял спрос. Журналы дрались за право первой публикации оставшихся сочинений Булгакова, побеждали те, у кого был более авторитетный, более предприимчивый, вхожий в верхи редактор.

Я, усмехаясь, посматривала на свой телефонный аппарат. Давно ли, сняв трубку, слушала главного редактора журнала «Октябрь», объяснявшего мне, почему нельзя печатать пьесу «Адам и Ева»... Потом, с таким же вниманием, слушала главного редактора журнала «Новый мир»: и он, позвонив мне, толковал о резонах, по которым пьесу «Адам и Ева» нельзя печатать... Главный редактор журнала «Знамя», правда, не звонил; он объяснил то же самое лично, любезно приняв меня в своем редакторском кабинете...

Теперь, в июне 1987 года, журнал «Октябрь» спешно выдавал на-гора, оттягав право первой публикации у более бедной и беззащитной «Волги», эту самую пьесу «Адам и Ева». Выдавал не в моей профессионально проработанной текстологической подготовке, а по какому-то случайному, испорченному опечатками списку, с убийственно дилетантским комментарием, с бредовой транскрипцией реплик на иностранных языках. (Реплики: «Oú est-ce que se trouve Adam? Oú est Daragane?» – Где Адам? Где Дараган? – изобразили так: «Ori estce que trouve Adam? Oriest Daragan?» – и перевели: Это все, это нашел Адам? Это Дараган?)

Синхронно, в том же июне 1987 года, еще успешней входило в прорыв «Знамя» – с повестью «Собачье сердце». И опять-таки, второпях публикуя повесть по непроверенному списку – с сотнями опечаток и искажений...

Менее расторопный «Новый мир» чуть запаздывал, но для своего августовского номера (за тот же 1987 год) все-таки подхватил что мог – неоконченную повесть Булгакова «Тайному другу»; и тоже по небрежному списку; здесь, правда, опечаток было меньше, поскольку текст был небольшой...

Ленинградской «Неве» и вовсе ничего не досталось. А давно ли я искушала редакцию «Невы», предлагая расхрабриться – опубликовать пьесу «Адам и Ева»? Наверно, жалеют, что написали тогда так: «Пьеса – как ни странно писать такое о пьесе Булгакова, но что делать?! – художественного значения не имеет. Печатать ее в массовом издании нельзя. Она показывает, что и самые умные люди, к сожалению, не бывают умней своего времени». И т.д., и т.д., и даже рекомендация: «Я думаю, что лучше просто заказать Л.Яновской статью "Антивоенная тема в творчестве М.Булгакова". Она может написать это очень интересно». И далее излагался конкретный план такой – никому не нужной – статьи...

Не буду называть автора этой рецензии: более опытные и, главное, более главные редакторы отказывали лично и устно, а здесь рецензию простодушно забыли в возвращаемой рукописи.

А впрочем, было это действительно давно. «Нева» отмахнулась от пьесы «Адам и Ева» ровно за год до начала бума. «Знамя» – за полгода. Почтеннейший Сергей Павлович Залыгин («Новый мир») – чуть ли не за две недели. И что тут было объяснять? Просто – не было разрешения на публикацию «Адама и Евы», «Багрового острова», «Собачьего сердца». Не было такого разрешения до – то ли апреля, то ли мая 1987 года. А в апреле-мае разрешение появилось. Говорили, Раиса Максимовна, очаровательная первая леди, была увлечена сочинениями Михаила Булгакова.

Теперь каждая малая районная библиотека, да что там библиотека – каждый книжный шкаф в частной квартире жаждали украсить хотя бы одной книгой Михаила Булгакова. А лучше – всеми.

Кто-то расставлял руки: не пуцу! это не социалистический реализм! Официальные профессора втолковывали студентам: «В отличие от многих своих коллег... Булгаков остался равнодушен к размаху социалистического строительства»!

(«История русской советской литературы», вузовский учебник, Москва, 1983.) Кто-то кричал, что это вообще еврейское чтение! (В 1983 году, в Донецке, вышла книга некоего В.Зуева «Амплитуда». Знающие люди, впрочем, утверждали, что Зувев вовсе не Зувев, а некое авторитетное гебешное лицо, скрывшееся под псевдонимом. «В начале семидесятых годов, – говорилось в книге, – в Донецк приезжал артист и читал отрывки из романа Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита". Первые ряды были заняты знакомыми Давида. Все они были евреи и пришли на чтение, как на спектакль еврейского театра...») И далее длинно и нудно рассказывалось об «идейной ущербности» этого романа, о том, что он распространяется в «негативной среде» и для «настороженного националистического», сиречь еврейского, уха звучит «отголосками торы», а также почему-то «масонских лож».)

Но остановить популярность автора «Мастера и Маргариты» уже было невозможно.

Булгакова с упоением читали дети. Булгакова читали детям родители и школьные учителя. «К счастью, – писал в "Известиях" (21 июня 1984) уважаемый московский педагог, – в мировой литературе есть книги, доступные детству и юности, любимые детством и юностью, – «Дон Кихот», «Путешествие Гулливера», «Гаргантюа и Пантагрюэль». В зрелые годы мы вновь возвращаемся к ним, заново бесконечно постигая их». И к этому ряду относил роман «Мастер и Маргарита». (Собственно, это была цитата из незадолго перед тем вышедшей моей книги о Булгакове; ни отсылки, ни кавычек, правда, не было: я уже становилась фольклором.)

Булгаков входил в моду. У него появились поклонники. Глаза поклонников, как это бывает у поклонников, горели сумасшедшим огнем. Словно члены загадочной секты, они сразу же опознавали друг друга по каким-то им одним известным приметам или паролям. Местом их «тусовок» стал шестой подъезд (в глубине двора) дома 10 по Большой Садовой в Москве. Тот самый подъезд, где в начале 20-х годов, в грязной, шумной, пьяной и скандальной «коммуналке», какое-то время жил и мучился Михаил Булгаков. Теперь стены, потолки и, кажется, даже ступени лестницы в этом подъезде поклонники самозабвенно изрисовывали изображениями Воланда, Бегемота, Маргариты и клятвенными обращениями к героям любимого романа. Время от времени

из домоуправления приходили терпеливые маляры, приволакивали козлы и стремянки и восстанавливали чистоту. Но поклонники были неукротимы и снова разрисовывали стены и высокие потолки, таинственным образом обходясь без козел и без стремянок. Жильцы беспокойно вставляли новые замки в парадную дверь подъезда, но поклонники Воланда бесстрашно взламывали замки и, презирая милицию, несли свою вечернюю вахту на ступенях.

Москвичи и «гости столицы» бегали смотреть этот цирк. Выдающиеся умы обращались в правительство, требуя создать здесь, вокруг этих изрисованных стен и заплеванных ступеней, «булгаковский центр», но главное, конечно, «булгаковский фонд». И только один человек – Виталий Яковлевич Виленкин, когда-то завлит МХАТа, один из немногих, еще помнивших живого Булгакова, пробовал слабо протестовать. «Нечто абсолютно антибулгаковское, – писал он, – называют "народной тропой"! По-моему, это тропа в двойных кавычках. Причем графитная графомания, испещряющая стены, смыкается здесь с желанием квалифицированных людей сделать дом булгаковским центром под знаком "Мастер и Маргарита"...» «...Я представляю себе, как бы этот человек, который любил писать при свечах и канделябрах, простой ручкой и чернилами в обыкновенных школьных тетрадях, человек, не терпевший никакой суеты, никакого вторжения "улицы" в свой писательский мир, как бы он протестовал против подобного». «Не принимаю бушующей вокруг его имени "массовой культуры"». «10–12 человек, собиравшиеся в его доме, были единственным кругом его читателей. Он ведь не позволял ни страницы выносить во вне, никаких "самиздатов". Словом, это совсем другой стиль, все другое». («Книжное обозрение», 1991, № 4.)

Основным «пунктиком» поклонников и примкнувших к ним интеллектуалов была уверенность, что действие ряда страниц «Мастера и Маргариты» происходило именно здесь, на этих ступенях и лестничных площадках, по мнению поклонников, точнейшим образом («один к одному») описанных в романе. И некто неизвестной профессии, еще вчера называвший себя инженером, уже водил доверчиво теснящиеся экскурсии вверх и вниз по узким лестничным маршам, не слишком точно пересказывая строки романа. Вот здесь, показывал он, из этой двери (видите - № 50), Азazelло выставил на площадку дядю Берлиоза... А этажом ниже (вот и номер – 48) выглядывала со своим бидоном «чума» Аннушка... Там, еще ниже, на третьем этаже,

раскашлявшаяся Маргарита спугнула сидевшего на деревянном диванчике человека в кепке... А совсем внизу, у входа, сохранилась в полной неприкосновенности каморка с выбитым стеклом – бывшая швейцарская – в которой Поплавский, сидя на каком-то обрубке, ожидал, что же будет с буфетчиком, направлявшимся в квартиру 50...

Экскурсанты зачарованно слушали. Инженер поворачивал свою послушную паству лицом к двери, когда говорил об окне, в которое высунулась Аннушка, и лицом к свету окна, когда толковал о диванчиках на темных площадках. О швейцарской, расположенной внизу, у входа, он повествовал исключительно на самом верхнем этаже, и когда переполненные впечатлениями слушатели спускались на первый, они уже не смотрели по сторонам и не замечали, что никакой швейцарской здесь нет, и никогда не было, и не могло быть, поскольку вход в этот подъезд беден и узок, небольшое пространство, в которое вы попадали со двора, нельзя было даже назвать вестибюлем и швейцара тут не предполагалось.

Да, решительно ничего из рассказанного не могло бы произойти здесь.

Правда, Аззелло в романе вывел дядю Берлиоза на площадку лестницы именно из квартиры под номером 50. Но далее он «открыл чемодан, вынул из него громадную жареную курицу без одной ноги... Затем вытащил две пары белья, бритвенный ремень, какую-то книжку и футляр и все это спихнул ногой в пролет лестницы... Туда же полетел и опустевший чемодан. Слышно было, как он грохнулся вниз, и, судя по звуку, от него отлетела крышка».

Но *здесь* Аззелло не стал бы «спихивать ногой в пролет» чемодан и прочее имущество Поплавского: в этом подъезде практически нет пролета – здесь лестничные марши расположены экономно, почти вплотную друг к другу...

«Затем рыжий разбойник ухватил за ногу курицу и всей этой курицей плашмя, крепко и страшно так ударил по шее Поплавского, что туловище курицы отскочило, а нога осталась в руках Аззелло... Да! Все смешалось в глазах у Поплавского. Длинная искра пронеслась у него перед глазами, затем сменилась какой-то траурной змеей, погасившей на мгновение майский день, – и Поплавский полетел вниз по лестнице, держа в руке паспорт. Долетев до поворота, он выбил на следующей площадке ногою

стекло в окне и сел на ступеньке. Мимо него пропрыгала безногая курица и свалилась в пролет».

Опять не существующий в знаменитом подъезде «пролет»! Но главное, никаким образом не мог Поплавский попасть ногою в стекло, если бы событие происходило в этом подъезде: окно здесь расположено высоко и чтобы достать до него ногою, несчастному пришлось бы не «сесть на ступеньке», а разве что стать на руки и попытаться дотянуться до окна каблуком...

Спустившись этажом ниже, «Поплавский сел на деревянный диванчик на площадке и перевел дух». На таком же диванчике, или скамейке, сидит – несколько глав спустя – наблюдающий за квартирой 50 человек... Но в разрисованном поклонниками шестом подъезде на Садовой никогда не было деревянных скамеек-диванчиков! Для них здесь просто нет места...

А «любопытная» Аннушка, бросившаяся к окну, в которое кверху ногами вылетел Алоизий Могарыч «в одном белье, с чемоданом в руках и в кепке»? Вспомните: Аннушка «охнула и сама устремилась к окну. Она легла животом на площадку и высунула голову во двор, ожидая увидеть на асфальте, освещенном дворовым фонарем, насмерть разбившегося человека с чемоданом. Но ровно ничего на асфальте во дворе не было».

Но окна в этом подъезде, как я уже заметила, расположены высоко, и незачем было Аннушке «ложиться животом на площадку», если только она не хотела уткнуться носом в глухой и пыльный угол. Да и не увидела бы она, даже если бы ей удалось взлететь к окну, не только разбившегося «человека с чемоданом», но и самого асфальта, освещенного дворовым фонарем: окна в шестом подъезде знаменитого дома выходят не на асфальт двора, а в противоположную сторону...

Придется признать, что Булгаков описал какой-то другой подъезд, в котором были и пролеты между лестничными маршами, и деревянные диванчики на площадках, и окна, расположенные вровень с полом и выходившие на асфальтированный, освещенный фонарем двор. А может быть, просто выдумал свой подъезд – по образцу очень многих, похожих и не похожих один на другой московских подъездов его времени...

Ну вот, автор романа «Мастер и Маргарита» входил в моду. Как явлению модному ему прочили скорое забвение. Впрочем, причин для скорого забвения находили много.

«Да, "Мастер..." великолепен, но не будем забывать, что всякое великолепие приобретает рано или поздно оттенок музейности. Сдается мне, что с булгаковским романом это уже происходит», – писал Руслан Киреев. И сатирические сцены романа называл «явно обветшавшими», а главам о Понтии Пилате пророчествовал судьбу музейного экспоната, «который найдет себе приют в том же зале, где и "Как закалялась сталь", "Цемент", "Доктор Живаго"...» («Литературная газета», 8 августа 1990).

«Булгакова создала советская власть», – резвился большой любитель парадоксов Виктор Ерофеев. – «Чтобы спасти Булгакова, нужно снова его запретить». И о романе: «Там, где кончается незабвенная "осетрина второй свежести", роман полон дешевого мелодраматизма. Он часто безвкусен в своих религиозных претензиях, излишне театрален». («Московские новости», 7 июля 1991.)

Авторы парадоксов срывали, так сказать, цветы внимания, но успех Булгакова не угасал. Кажется, не было ни одного сколько-нибудь знаменитого литератора – писателя, критика или публициста – который не считал бы необходимым высказать свое мнение о Михаиле Булгакове. Незнаменитые выступали тоже: это был надежный способ обратить на себя внимание. Говорить о Булгакове становилось престижным.

Возникло странное явление – «булгаковедение». Теперь оно стремительно набирало обороты. Булгаков становился «диссертабельным».

Множество молодых исследователей – большей частью, по-моему, барышни; причем, честолюбивые молодые люди тоже – устремились на эту стезю в жажде блеснуть эрудицией, оригинальностью и смелостью взглядов. Обгоняя юных диссертантов, специалистами «по Булгакову» становились люди неожиданных профессий: вчерашние инженеры (в числе первых – первых не по очередности, а по авторитетности – наш инженер-экскурсовод), киношники, экономисты, госслужащие...

Множились ряды зарубежных исследователей...

Замелькали симпозиумы, доклады, ученые сборники, обширные библиографии, признание авторитетов в «булгаковедении» и споры за авторитет...

Имя Булгакова, облепленное чужой эрудицией, версиями и гипотезами, теперь гремело, стуча, катясь и подпрыгивая, как голова Берлиоза по булыжникам Бронной.

А строки Анны Ахматовой, посвященные ему: «И нет тебя, и все вокруг молчит О скорбной и высокой жизни» – звучали еще печальней и безысходней. Булгаковедение было само по себе, «скорбная и высокая жизнь» – сама по себе, надежно укрытая во времени от грохота и клеветы, приоткрытая читателям в благородстве булгаковских сочинений.

«Мать и сестры все рыдали...»

Ненависть булгаковедов к Булгакову проклюнулась не сразу. Сначала было восхищение. И первые биографические фантазии были вызваны восхищением.

Первая в России биографическая книга о Булгакове вышла в свет в 1980 году.

Ее автор, Девлет Азаматович Гиреев, доцент (а по принятому на Западе раскладу, профессор) Северо-Осетинского государственного университета, был весьма уважаемый лермонтовед и восторженный почитатель Булгакова. Книга называлась «Михаил Булгаков на берегах Терека», имела подзаголовок «Документальная повесть» и была посвящена... как бы это поточнее выразиться... якобы была посвящена 1918 - 1921 годам в жизни Михаила Булгакова.

Когда-то, в незапамятные времена, когда я была совсем маленькой девочкой, нянька читала по вечерам, шопотом, при свете мутной электрической лампочки в коммунальной кухне, вот такие безумно трогательные книжки. У этого жанра было название: «рóман». Теперь, в 1980 году, я читала «рóман» Д.А.Гиреева, любезно присланный мне автором, и с испугом думала, что почтенный профессор на почве любви к Булгакову сошел с ума.

Со страниц увлекательной книжки щедро капали слезы.

«Мать и сестры все рыдали...» «Мать билась в истерике... Немного придя в себя и узнав старшего сына, она заплакала тихими слезами и поманила его к себе. Он упал на колени у самой кровати...» (с. 22-23; «на коленях» в этой мизансцене – М.А.Булгаков, а «тихими слезами» заливаётся его мать В.М.Булгакова).

Герой называет свою мать «матушкой» («Что случилось, матушка? – Она держала в руке букет свежей сирени, на губах – добрая улыбка...»). Она же своего покойного мужа именуется не иначе как «батюшкой» («Расплакалась... Вытерла слезы и подняла голову. – Хорошо помню, как в этот день батюшка твой Афанасий Иванович, царство ему небесное...» – с. 28).

Уже было известно не только мне – была опубликована семейная переписка из архива Надежды Афанасьевны Земской, сестры писателя, – что свою мать Михаил Булгаков называл мамой, а о покойном отце дети говорили как об отце, а не о «батюшке». Но, может быть, Д.А.Гиреев полагал, что профессор духовной академии Афанасий Иванович Булгаков, литератор и действительный статский советник, был священником («батюшкой»), а жена его, соответственно, попадьей («матушкой»)?

Со слезами Гиреев описывал внешность бедной «матушки»: голова ее «стала седой и все подергивалась», «плечи ссутулились», «тонкие бесцветные губы» дрожали (с. 13), «ей только пятьдесят лет, а она уже старухой стала» (с. 35). И разговаривала она соответственно: «Она торопливо, точно стесняясь своей слабости, утерла глаза и уж затем высказала главное: - Душа моя в болестях великих... Истерзалась я думами тяжкими... В юдоли скорби и тревог пребываю...» (с. 13).

Но Варвара Михайловна Булгакова, в отличие от Васисуалия Лоханкина, стихами не разговаривала. Тем более, церковнославянскими. Образованная и светская, она до замужества поработала учительницей прогимназии, весьма свободно говорила по-французски, была хороша собой, на пятидесятом году жизни не трясла голову, и если уже начинала сесть, то это, простите, навсегда осталось ее тайной: ее пышные белокурые волосы, над которыми любила колдовать ее «куаферша» Варя, самая красивая из ее дочерей, были всегда в порядке. В ту самую пору, когда наш сочинитель изображает ее жалкой старушкой, и именно в 1918 году, Варвара Михайловна вышла

наконец замуж за доктора Ивана Павловича Воскресенского, человека еще молодого, давно влюбленного в нее и женившегося впервые.

Но дальше – больше. Вслед за матерью героя в трогательной «документальной» повести появляется его жена, и тоже в весьма прискорбном виде: «Перед ним качалась тень бывшей Татьяны Николаевны... Худая, измученная, с глубокими морщинами вокруг глаз и рта, с поблекшим взором». Тень Татьяны Николаевны опускается на стул и тут же, у двери, начинает рассказывать ужасные истории: «Если бы знал ты, Мишенька, что пережила я за эти три месяца... Ведь мы маму похоронили... Как добиралась я сюда... Полторы недели в теплушках, на крышах вагонов... Ради бога, скорее выкупай меня» (с. 31). Так, в изображении сочинителя, летом 1919 года Татьяна Николаевна возвращается в Киев из Саратова, похоронив мать.

Но что делать, если не ездила Татьяна никуда в эти тяжкие месяцы весны и лета 1919 года! В Киеве – погромы, облавы, банды, врывающиеся в нижний город – на Подол, аресты, расстрелы, бесконечные угрозы мобилизации: врачом ведь был Михаил и по возрасту – военнообязанный. Какой Саратов? И, главное, какие похороны? Евгения Викторовна Лаппа, мать Татьяны, была живехонька и прожила еще многие годы, мирно скончавшись в 1963 году, в возрасте девяноста четырех лет, в Харькове, на руках у своей младшей дочери, Софьи Николаевны, и даже в 1963 году Татьяна на похороны не приезжала...

Среди многих чудес в книге Гиреева есть и «документальный» рассказ о том, как Михаил Булгаков стал писателем.

Здесь уже действие происходит во Владикавказе, и еще одна дама, на этот раз «стройная брюнетка, лет тридцати пяти, с пышной прической и большими темными глазами», именуемая Татьяной Павловной Пейзулаевой, в рождественский вечер 1919 года решает, что Булгакову непременно следует стать писателем!

Видите ли, герой Гиреева, почему-то носящий имя Михаила Булгакова, и раньше что-то такое пописывал... но исключительно для себя, почти тайно, чтобы отвести душу («изольется, и будто легче становится» – с. 30). Но чтобы профессионально? Нет, нет, тут понадобилась прекрасная дама, открывшая ему глаза на его призвание.

«Вы должны знать, – говорит муж Татьяны Павловны, присяжный поверенный Туаджин Пейзулаев, – моя жена уверена, что миссия добропорядочной женщины – вдохновлять художников и поэтов, а также выводить их в люди...

– Теди, не говори глупостей, – с деланной улыбкой перебила Татьяна Павловна. – Я просто трезво гляжу на жизнь... Во-первых, из того, что Михаил Афанасьевич успел рассказать о себе, ясно главное – служба в армии ему чужда и обременительна... Во-вторых, раз его тянет в литературу и он начинает писать, значит у него талант. Такое богатство зарывать в бинты и склянки от лекарств – великий грех» (с. 58).

«Вы лучше закройте в своей комнате, – говорит она Булгакову, – на два рождественских дня и напишите что-либо для газеты. Ведь у вас столько впечатлений» (с. 59).

И представляете – правда, не в рождественские дни, а недели две спустя – «Булгаков проснулся. Сердце билось часто-часто, болела грудь. Сквозь ставни пробивались полоски света. Вскочил. Быстро умылся и сразу сел за письменный стол...» (с. 62). Через два часа рассказ был готов.

И только одно может простить «стройной брюнетке» ее манерность и глупость: то, что дамы этой, как я понимаю, не было в природе. И присяжного поверенного Туаджина Пейзулаева скорее всего в природе не было. Был во Владикавказе помощник присяжного поверенного Пензулаев Тансуддин Махм. (отчество не дописано) – так значится в «Юридическом календаре на 1917 год» М.Острогорского (Пг., часть 2-я, с. 265). И было высказано предположение, что Булгаков был с ним знаком (с Тансуддином Пензулаевым, а не с Туаджином Пейзулаевым), поскольку в автобиографическом рассказе Булгакова «Богема» есть персонаж с похожей фамилией: Гензулаев. Хотя в точности это, конечно, неизвестно. (Самое сопоставление имен Гензулаев – Пензулаев принадлежало Т.Т.Мальсаговой и было опубликовано, естественно, с ссылкой на Т.Т.Мальсагову, в моей статье – «Юность», 1977.)⁶

Все эти и многие другие не менее занимательные вещи Д.А.Гиреев нанизывал на сюжет, простодушно извлеченный им из рассказа Михаила Булгакова «Красная корона».

Рассказ также был опубликован мною (и тоже в 1977 году, в журнале

«Аврора»)⁷, Гиреев в своем романе даже ссылался на эту журнальную публикацию (правда, как уже тогда было принято в России, не называя моего имени), и может быть, толчком к взрыву его фантазии как раз и было мое неосторожное высказывание в комментарии, что «Красная корона» – «очень субъективная, очень личная проза»... Но кто же мог предположить, что ученый литературовед примет это все так «в лоб»?

Как помнит читатель, герой рассказа «Красная корона» едет разыскивать своего младшего брата, ушедшего с белыми, находит его, но брат погибает у него на глазах... В романе Гиреева не отвлеченный герой, а сам Михаил Булгаков по просьбе рыдающей матери едет на Кавказ разыскивать своего младшего брата Николая.

Но позвольте: когда Михаил Булгаков в качестве мобилизованного врача выехал на Кавказ, оба его младших брата, Иван и Николай, оставались дома, в Киеве. И потом, Николай вообще не был на Кавказе – его путь с белой армией прошел иначе. Да и убит он не был. Впрочем, на последнем Гиреев не настаивал: все-таки к моменту сочинения «рómана» было слишком хорошо известно, что доктор Николай Булгаков намного пережил своего старшего брата...

И были две удивительные вещи, связанные с этой книгой. Первая заключалась в том, что Д.А.Гиреев, сочиняя свою книгу, писал мне письма. «Ваши работы о Булгакове, публикующиеся в печати, я знаю и очень ценю...» – 30 октября 1978 года. (Парадокс в том, что это были работы о Булгакове на Северном Кавказе; не потому, что меня особенно интересовал кавказский период жизни моего героя; просто цензура по причинам, мне неизвестным, легче пропускала этот блок моих маленьких публикаций.) Интригуяще намекал, что в подготовленную им книгу войдут «материалы белогвардейских архивов и газет». – Там же. (Обещания волновали и будоражили: на эти документы – «белогвардейские архивы и газеты» – мне выйти не удавалось. Отдельные куски, даже кусочки – страница газеты «Грозный»... два-три номера газеты «Кавказ»... – вот все, что попало мне в руки. Стоит ли говорить, что когда книга вышла, никаких материалов из «белогвардейских архивов и газет» в ней не оказалось...)

И задавал вопросы. С примечанием: «Само собой разумеется: если где-либо я использую Ваши сведения в научных публикациях, то со ссылкой на Вас».

Не очень-то хотелось раскрываться. Передо мной лежала рукопись моей

собственной книги. И глава «Война» (со страницами о Грозном), и глава «Владикавказ» были давно готовы. Впрочем, они состояли в основном из опубликованных работ. Или из тех, что были приняты редакциями журналов, набраны, сброшены... Вот эти последние нужно было вводить в книгу в первую очередь: гуляющие где-то по рукам, не защищенные авторским правом, они могли «уйти»...

Но как не ответить? Вздохнув, я добросовестно отвечала. Что Николай Булгаков был увезен из Киева отступающими белыми в декабре 1919 года, когда Михаила Булгакова там уже не было, и что об этом мне очень уверенно говорила Надежда Афанасьевна Земская, сестра писателя. Что Константин Петрович Булгаков, двоюродный брат писателя, был сыном Петра Ивановича Булгакова, священника русской церкви в Токио. И что, по моим сведениям, Николай Булгаков не мог быть на Кавказе, а если уважаемый коллега нашел в белогвардейских архивах на Кавказе имя Николай и фамилию Булгаков, то нужно бы установить и отчество, поскольку, полагаю, речь идет о другом человеке.

И что же, – спросит читатель, – Д.А.Гиреев использовал полученную в письмах информацию и не сослался? Хуже. Не использовал: она ему не подошла.

Почтенный профессор упорно хотел видеть события такими, какими они однажды представились ему в его воспаленном восторгом воображении. Для его сюжета нужно было, чтобы Николай уехал раньше, чем Михаил. По его сюжету Константин Булгаков был сыном «рано овдовевшей сестры отца» (с. 7) – так легче было объяснить, почему он жил в булгаковском доме. Но повесть-то названа «документальной»? Что ж, приводятся и документы. Самый поразительный из них (сразивший булгаковедов наповал) – письмо, привезенное в булгаковский дом неким капитаном Корецким от Константина Булгакова с Северного Кавказа:

«Дорогие мои, милая и единственная Варвара Михайловна! Случайная встреча с давнишним другом капитаном Корецким, который в ближайшие дни направляется в Екатеринослав, подает мне надежду, что эта записка найдет вас. Николка жив...»

Стоп! Дальше можно не читать. Ибо и письмо и капитан Корецкий – того же происхождения, что и «стройная брюнетка». Иначе говоря, чистая беллетристика. Липа. Не было никакого письма: не мог Константин Булгаков в 1919 году назвать

Николая Булгакова – Николкой. Это имя родится позже, в 1923–1924 годах, когда Булгаков в романе «Белая гвардия» объединит имя своего брата с именем Nicolas, Николеньки, Николушки Ростова, подчеркивая связь «Белой гвардии» с «Войной и миром». Колей звали Николая Булгакова братья. И лишь потом – после «Белой гвардии», после «Дней Турбиных» – его станут иногда называть в письмах так: Никол. Сначала – М.А.Булгаков, потом – Елена Сергеевна. Стоит ли говорить, что в нашей «документальной повести» это не единственный документ такого уровня достоверности.

Второе удивительное событие произошло после выхода книги в свет: успех «документальной повести» был огромен. Особенно у булгаковедов. Всегда буду поражаться тому, что самое большое доверие как правило вызывает явная, бьющая в глаза чушь. Ведущий булгаковед Виолетта Гудкова отнеслась к «рôману» с огромным уважением, назвала его «беллетристической книгой» «монографического плана» и даже... обвинила меня в плагиате у Гиреева (см. «Литературное обозрение», Москва, 1986, № 1, сс. 50 и 48).

Авторитетнейший Яков Соломонович Лурье (его так и называли всегда по имени и отчеству, даже заочно), в отличие от Гудковой, в плагиате меня обвинять не стал, но опубликованную мною информацию о том, что осенью 1919 года доктор Михаил Булгаков оказался на Северном Кавказе по причине прозаической мобилизации, нашел «излишними рассуждениями», ничуть не более убедительными, чем «довольно романтическая история», изложенная Д.А. Гиреевым. Причем эту «историю» Я.С.Лурье тут же и с явным удовольствием кратко пересказал. (См. «Русская литература», Ленинград, 1984, № 4, с. 210).

В.В.Петелин пересказал «рôман» Гиреева уже на десятках страниц своей книги «Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество» (Москва, 1989), серьезно и во всех подробностях, расцвечивая повествование «подлинными» письмами, почерпнутыми все из той же «документальной повести» Гиреева и ни в чем не повинными фрагментами булгаковской прозы. Моя скромная информация о том, что осенью 1919 года «из Киева Булгаков выехал в Ростов-на-Дону. Там получил назначение в Грозный. Во Владикавказе дождался приезда жены, и в Грозный они отправились вместе» («Творческий путь...», с. 49), – вызвала у Петелина радостный взрыв иронии: ведь у

Гиреева, рассказывающего то, «что нам доподлинно известно» (Петелин, с. 41), это все изложено иначе!

Я растерянно удивлялась тому, что к гиреевскому вздору так доверчиво относятся в России. Потом оказалось (простите это «потом»: в Россию зарубежные издания практически пришли в конце 80-х годов, с «перестройкой»), что не только в России. Эллендеа Проффер пересказала сочиненные Гиреевым «события» в своем предисловии к Собранию сочинений Булгакова («Ардис», 1982) и даже отметила в примечании: «Гиреев, по-видимому, собрал много настоящих документов, связанных с жизнью Булгакова». А ведь биография подлинного Николая Булгакова давно была опубликована на Западе, и несовпадения бросались в глаза...

«Откуда такое доверие к сочинению Гиреева?» – мучительно пытаюсь понять ход мыслей булгаковеда, спрашивала я у В.В.Петелина, с которым специально встретила для решения этой загадки. Петелин был терпелив, любезен, но смотрел на меня недоверчиво. Говорил о ссылках Д.А.Гиреева на местные материалы. Вот хотя бы на недоступную для москвичей статью во владикавказской газете «Социалистическая Осетия» за 1975 год. (Статья была написана мною и опубликована под моим именем, просто Гиреев и на газету и на ее дату сослался, а имя автора, как это было принято у булгаковедов, опустил.)

Много лет спустя Петелин переиздаст свою книгу. (См.: Петелин В.В. Жизнь Булгакова. Москва, 2000.), и я открою ее в полной уверенности, что уж мифическое «письмо», привезенное фантомом из беллетристики, капитаном Корецким, В.В.Петелин опустил: данью нашему разговору в 1990 году... Увы, увy, все оказалось на месте: где уж мне с бедными моими документами тягаться с вымыслами Гиреева...

Что я должна была делать?

Пойти в «городские сумасшедшие» и – вместо изучения Булгакова – посвятить остаток жизни разоблачению Гиреева? Бесполезно. Булгаковедение жаждало гиреевщины, и гиреевщина продолжалась...

Как вычислить дату

В начале 1920 года во Владикавказе Булгаков написал рассказ⁸ и опубликовал его во владикавказской газете. Это известно из его письма к сестре. Кусочки рассказа в архиве Булгакова в ОР БЛ⁹ сохранились. Какая газета? Какого числа?

Какие-то газеты мне удалось посмотреть во Владикавказе (тогда он назывался Орджоникидзе) в краткие апрельские дни 1975 года¹⁰. Сравнить шрифт на расстоянии тысяч километров и нескольких лет? Что делать? Это как рывок через пропасть. Вот перепрыгнуть канавку на земле не могу – давно не могу, с тех пор как у меня поврежден позвоночник. А в литературе – сколько угодно. Без этого полета над провалом не будет открытий. Написала: судя по шрифту, «Кавказская газета»...

Я люблю эти игры с булгаковедами.

У меня ужасная (с точки зрения правил академической науки) черта: неполнота доказательств... Отчасти потому, что работаю ведь я на читателей, а не на официальную науку, к которой не имею отношения – а читателю не нужна слишком полная, исчерпывающая полнота доказательств: слишком полная аргументация утомляет, мешает, начинает казаться неубедительной... Отчасти же потому, что мне нравились игры с булгаковедами... И они «покупались» на эти игры – сбивались...

Гипотезы принимали за аксиомы, вскользь оброненное предположение – за твердо доказанное, подхватывали, не ссылаясь («ну кто же этого не знает!»). А вот то, что было совершенно ясно и бесспорно, вызывало у них яростные нападки. На меня, разумеется.

Так было и тут. Газета (название газеты <у них> не вызывало сомнений). А дата?

Как я вычисляла даты... Вот сомнение и показалось сомнительным. И Гиреев отмел все сомнения. История с этим рассказом (название, кажется, впервые правильно дано у меня?)¹¹, и место публикации, и дата публикации установлены мною. А Гиреев

делает вид, что он «открыл» этот рассказ, и намеренно дает другую дату.

Любопытно: найдет кто-нибудь когда-нибудь эту газету? Наверно, найдет. Все рано или поздно найдется. И что же это окажется за газета? И какого числа состоялась публикация? 6-го? Или 7-го?

Привожу эту подробность потому, что она очень характерна для булгаковедения.

А может быть, не только для булгаковедения?

Новым и невероятно популярным романом стали сочинения Б.С.Мягкова.

Борис Сергеевич Мягков не был ни профессором, ни писателем, и на первых шагах сочинял на пару с опытным журналистом. Но потом осмелел, напарника оставил, пошел напролом и в течение нескольких лет стал одним из ведущих булгаковедов, особую популярность снискав у иностранцев.

Книга Б.С.Мягкова «Булгаковская Москва», украшенная множеством прекрасных иллюстраций, вышла в свет в 1993 году. Но очерки, составившие ее, печатались и перепечатывались во множестве журналов и газет России, начиная с 1982 года. Стало быть, это все же явление 80-х.

Вторая судьба Мягкова... Все меняется, и Б.С.Мягков однажды круто повернул свою литературную судьбу, став библиографом Булгакова. Добротным и солидным библиографом, у которого нет соперников и без работ которого уже не обойтись... Но книга его «Булгаковская Москва» заняла свое почетное место...

Ну, а дальше... Собственно говоря, Гиреев был безобиден, и сочинение его могло восхитить только булгаковедов... О том, как Булгаков ездил в Афон? Или как он разговаривал с Сент-Экзюпери по-французски?¹² К середине 80-х у меня все вертелась фраза Ильфа: «Глупость хлынула водопадом...».

Было молчание... Потом оно сорвалось, обрушилось – мстительной ненавистью... А потом началось. Уважение к покойному писателю выглядело как-то пресно. Хотелось блеснуть. Плунуть, ловко сфантазировать, сфабриковать, удачно соврать... Одновременно со свободой слова – угаром этой свободы...

Тайная ненависть к покойному писателю...

В книге Зуева «Амплитуда» Булгаков был представлен еврейско-диссидентским чтением. (Там, кажется, упоминаются Воронели?) Теперь Александр и Нина Воронель в редактируемом ими журнале «22» поместили грязную статью А.Золотоносова, выискавшего в основе романа «Мастер и Маргарита» не что иное, как плотный слой отголосков антисемитской желтой прессы...

Об антисемитизме? И как Чудакова содрала у меня о рассказе «Налет»? ¹³

А ведь в этом стремлении обвинить его в чем-нибудь что-то есть – какая-то закономерность...

...А когда украинцы <...> его обвинили в национализме? И когда Чудакова резвилась по этому поводу? А Булгаков Шевченка знал...

Просто украинцы не так крикливы, как евреи...

К счастью, китайцы, видимо, не заинтересовались этим писателем. А то ведь у него рассказ о китайце... Отголоском «Белой гвардии»...

У него ведь и немцы есть... И Студзинский – поляк. У него вообще персонажи имеют национальность...

Это плохо? Но ведь люди имеют национальность. Люди вообще делятся на группы – мужчин и женщин, старых и молодых, русских, евреев, китайцев...

и казалось, от этой злобы и плевков уже некуда деться. <...> Безумную, патологическую ненависть критиков (на какого еще писателя в России обрушивалась такая ненависть критиков?) сменила глухая и тоже патологическая ненависть булгаковедов... С ненавистью к Е.С... С ненавистью ко мне...

Сочинение Чудаковой. Она еще начала с «кровавого подбоя»...¹⁴ Рассказ доктора, с которым Булгаков не был знаком...¹⁵ Любовники Е.С.¹⁶ Это же она первая – о сходстве Сергея Шиловского с красавцем Тухачевским... А потом пошли другие любовники...

Соломон Иоффе.¹⁷ Были протесты в печати. И Чудакова немедленно высказалась: доказательств нет, но в общем это имеет право быть...

Тут считалось, что если писателя препарируют, как труп, то это и есть наука.

...а <если> потом отрезанную ногу пришивают на место руки, а отрезанное ухо вообще бросают в ведро за ненадобностью (покойнику ведь все равно), то это называется наукой.

Поэтому сочинения Чудаковой были объявлены наукой. Фазиль Искандер и заявление Виталия Орлова, что Фазиль Искандер «не знал». Ах, это «не знал». Ужасно удобно жить в мире, где никто ничего «не знал». Так случилось, что свою книгу Фазилю Искандеру я послала... А.Турков... Письмо ко мне и отзыв в печати (сохранился у меня этот отзыв?).

Биографии написаны – нелепые, лживые, самонадеянные... Популярнейший «Рыцарь» Есенкова. Его описание Воздвиженской улицы.¹⁸

Сменялись модные течения в оценках Булгакова. Сам Булгаков оставался – загадочно прочный, облаиваемый и чистый, и ложь и плевки как-то странно не

прилипали к его «скорбной и высокой жизни».

Подростки читали роман «Мастер и Маргарита», а на чтение булгаковедов у них все равно не хватало терпения. Автор по-прежнему шел к своим читателям сам...

Его личность по-прежнему ускользала. Сдержанный, молчаливый, очень гармоничный – до того, что казался очень обыкновенным...

Первую книгу о Булгакове я написала в 1962–1967 годах.¹⁹ Главный упрек издательства был таков: это – биография, а Булгаков еще не заслужил биографии...

Я готова была признать свое поражение и уйти в безмолвие. Но в издательстве объяснили: безмолвием не обойдешься – за безмолвие придется платить. И не иносказательно, а самыми настоящими тугриками. Рублями, то есть. Конкретно, выплатить придется все, до копейки, что было получено мною в качестве аванса плюс еще некую изрядную сумму. Не буду сейчас объяснять, что еще за сумма, это не имеет значения: у меня никаких денег не было. В издательстве, улыбаясь, объяснили: взыщем. По суду. Было непонятно, как могут взыскать, даже по суду, с того, у кого ничего нет?

Но тут как-то в очереди (отнюдь не в издательстве; в обычной очереди – жизнь проходила в очередях – за мукой, за маслом, за мясом, за чем угодно, и общение «с народом» происходило в очередях), где женщины судачат обо всем на свете, я услышала разговор... Всеобщими клубами России были эти очереди... Я вдруг оказалась в центре разговора... Не то чтобы в центре, а точнее – в середине перекрестного разговора... Женщины говорили о том, как это происходит, когда государственное учреждение взыскивает долги «по суду» – через судебного исполнителя.

Речь шла, разумеется, о долгах государству, государственному учреждению. (Не помню, чтобы кто-нибудь взыскивал через суд свои частные долги.)

«Всё берут, всё из дома выносят, только детское не берут», – с большим знанием дела говорила одна. – «Ой, что ты! – отвечала другая. – Станут они смотреть...

Всё вынесли из дому; ребенок спал, так они ботиночки из-под кровати взяли... подушку из-под головы вынули...» Я вернулась домой. Мой маленький сын спал; под головой у него была подушка, и пара ботиночек стояла под решетчатой деревянной кроватью... Я заплакала и стала писать другую книгу.²⁰

И снова это была моя книга. И снова это была биография. Я просто вымарывала всё, что вызывало нападки... Опустила страницы (десятки страниц), посвященные травле автора «Дней Турбиных»... Уходила в новые открытия... Преодолевала незнание, неумение, преодолевала себя. Тянулась не вниз, к послушанию, а вверх – к познанию... Научилась молчать и делать открытия там, где можно... Потом наткнулась на это странное выражение у Булгакова: «Буду молчать»...

И сквозь все умолчания начинала светиться и становилась объемнее личность моего героя...

Нужна ли биография писателя, чтобы был понятен писатель? Нет, конечно. Мы ничего не знаем о Шекспире, но знаем Шекспира. Биография Сервантеса известна, но что мы, так хорошо знающие Дон Кихота, помним о Сервантесе?

Тогда что же? И точно ли нет в этом моей вины? Меня всегда интересовала биография... Горькое удовлетворение – об Ильфе... Как хорошо, что я уйду навсегда... Что же я делаю с другой жизнью?

Если нужно кратко рассказать о жизни – человек выбирает, на чем остановиться... Потому что ни о какой жизни нельзя рассказать всё. Моя книга, вышедшая в 1983 году, была посвящена Булгакову опубликованному. Жестоко свирепствовала цензура. Но я уже достаточно хорошо знала и жизнь его и творчество и могла отобрать те точки для рассказа, которые бы не слишком раздражали цензуру. Произведения отбирала – *опубликованные*...

Об учителях... У булгаковедов можно найти очень лестные ссылки на то, что я рассказала об учителях Булгакова – «всё». Потрясающий комплимент. Тем более что об учителях Булгакова до сих пор я никогда и ничего в печати не говорила.²¹ Хотя все разработки сделала – и многие тексты написала – еще в середине 70-х годов... Просто в книге «Творческий путь Михаила Булгакова» для гимназических лет Булгакова не оказалось места: жестко был определен объем книги, за превышение объема наказывали редактора, редакцию... К счастью, мы все немножко ошиблись при подсчете объема...

А Я.С.Лурье решил, что о школьных годах Булгакова «ничего не известно». Ну, почему же «не известно»? Просто в книге не было места, а опубликовать в виде журнальной статьи... Увы, я была непубликуемым автором, и большая часть моей работы лежала (и лежит) неопубликованными ворохами, и теперь уже ясно, что я просто не успею ее реализовать...

Я стояла перед выбором – давать ли главу о революции 1905 года в жизни моего героя или главу о школьных событиях и школьных учителях? Что-то подсказывало мне, что если я теперь – на рубеже 70-х и 80-х годов (книга была написана в 1978–1981 годах) не расскажу о событиях 1905 года в жизни Михаила Булгакова, мне уже никогда не дадут об этом рассказать... Как в воду глядела!

До чего была непопулярна эта революция в русской истории и в глазах русских интеллигентов... Я училась на историческом и на филологическом факультетах²², но, сколько помню, никогда не «проходила» ее. Что-то в ней было неправильное! И она раздражала официальную коммунистическую идеологию тем, что была не вполне пролетарской и большевистской. А потом – когда коммунистическая идеология стала расплзаться по швам, раздражала русских «нонконформистов» тем, что была революцией. Они не хотели, чтобы ее приветствовал Александр Блок... И кто еще – Мандельштам? И кто еще? Они не хотели, чтобы она была в биографии Михаила Булгакова! (И когда я пыталась соответствующую главу уже готовой, еще не вышедшей книги пристроить в журнал – нарвалась на оскорбленное недоумение.) <...>

О книге вышедшей? Как изымались страницы о травле Булгакова? Из десятков страниц я оставила пять. Редактор сказал: много; оставьте три. Заведующая редакцией сказала: нужно еще ужать... Имена Литовского и Вс.Вишневского нужно дать еще тише... Комедии «Багровый остров» и «Зойкина квартира» – только упомянуть... Ни слова характеристики! Пьесу «Адам и Ева» – упомянуть, назвать. не более... А «Собачье сердце» и вовсе упоминать не будем!

Ну и что?!

Была книга – с умолчаниями... с пробелами... с рубцами... Потом она перестала быть моей.

Теперь попробую рассказать о Булгакове на материалах – большей частью таких, о которых мне тогда трудно было – нельзя было – не удалось – говорить. И не всегда по причинам цензурным... Тут штука в том, что помимо цензуры державной – а сколько еще видов цензуры существует в обществе – есть еще **цензура общественного мнения!** С этим тоже попробуй справиться...

Я расскажу о другом... Меньше о «Турбиных» – историю этой пьесы все знают. Зато – может быть, успею, впервые – о пьесе «Адам и Ева»²³. Ибо Булгаков – живой и неповторимый – виден в любом своем произведении...

Я не буду пересказывать и анализировать роман «Белая гвардия» – он почти в каждом доме на книжной полке, а содержание и смысл этого удивительного романа живет, движется, поворачивается, пульсирует и при каждом повороте событий оборачивается какою-то другой стороной. Зато я расскажу кое-что из истории самого романа, из истории, в которой так путаются булгаковеды.

Я расскажу о «Беге» – но не то, что известно из других работ и опубликованных

документов. Расскажу другое...

Другое, другое, другое... Большой частью неизвестное тебе, дорогой читатель... И всё же – то же; та же личность, «схваченная» мною в первые же дни, когда я так мало знала о писателе и так сразу его поняла... Та же «скорбная и высокая жизнь», а для меня еще – нравственность очень большой силы...

В начале 70-х годов – к десятилетию изучения творческого наследия Михаила Булгакова – мне удалось начать маленькие публикации из Булгакова. Маленькие – о больших не могло быть и речи...

Большие – «горели»...

Рукописи даже не возвращали...

Я люблю подробности. Истина – конкретна.

Малые сюжеты – подробности бытия.

Говорят, старые писатели бывают очень интересными и щедрыми рассказчиками; память перегружена сюжетами и наблюдениями, которые уже незачем беречь: их уже не используешь в больших произведениях, поскольку на большие произведения уже нет ни времени, ни сил...

У исследователя таких сюжетов еще больше. Печататься было трудно... на потом... на потом... А «потом» оказывалось, что никакого «потом» не будет...

У исследователя – у литературоведа советской поры – это ощущение разрыва между тем, что знаешь, и тем, что успеешь воплотить, – еще больше.

Любой уход в большую тему (через соблазнительно открывшуюся подробность) – как полет к дальней звезде: это значит, что к другим звездам дороги уже не будет.

Игорь Лосиевский
«Я голосую за Вас»

(Л.М.Яновская и Л.Е.Белозерская-Булгакова)

Давно замечено: книга автора-исследователя, особенно гуманитария – это всегда и автопортрет. Читатель не только приобретает знания о каком-либо предмете, но и открывает для себя человека, эту книгу написавшего. Вот такое моё «первое знакомство» с Лидией Марковной Яновской состоялось в начале 1970-х, когда я, впервые прочитав залпом оранжевый пятитомник Ильфа и Петрова, приобретённый отцом по подписке, открыл и стоявшую рядом книжку «Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе». И зачитался. Несмотря на то, что книжка эта вышла в академическом издательстве, читалась она легко, и уже тогда я почувствовал, что она как бы написана в присутствии знаменитых писателей, родственна их письму, их пониманию вещей (со временем я узнал, что теоретики-наукоеды именуют это явление параллелизмом исследовательского текста предмету изучения). Впечатление от прочитанного было такое, как будто у меня состоялась очень интересная беседа с открытым человеком, знающим об Ильфе и Петрове всё, щедро делящимся своими знаниями. Я заметил при этом, что именно Л.М. Яновской был составлен, подготовлен к печати и тщательно прокомментирован последний том оранжевого «Собрания сочинений» Ильфа и Петрова. Дома у нас их очень любили, часто цитировали, так что и «родственную» им книжку берегли, подклеивали, и она сохранилась до нынешнего 2016 года от Рождества Христова.

О том, что Лидия Яновская – моя землячка, харьковчанка, я узнал несколько позднее. Давний друг нашей семьи Любовь Евгеньевна Белозерская-Булгакова однажды сказала моему отцу, что в Харькове, кроме нас, появился у неё ещё один добрый и надёжный человек, и назвала её имя. В письме 17 мая 1979 г. Л. Е. сообщала нам, что Л. М. Яновская уже давно и плодотворно работает как булгаковед, «печатается в разных журналах»²⁴.

Каждый раз, когда мы приезжали в Москву и бывали у Любви Евгеньевны, узнавали от неё и о делах Лидии Марковны. Помню слова Л. Е. о том, что наша

землячка, наверное, знает о Булгакове больше всех пишущих о нём, вместе взятых, давно написала книгу о Булгакове (теперь известно, что к тому времени их было у Л. М. Яновской уже три!), но ей никак не удастся эту книгу издать – пусть с цензурными купюрами. Улыбаясь, Л. Е. добавила, что очень ждёт «прилёта этой птички с подрезанными крылышками». И мне показалось, что присутствовавший при нашем разговоре дворовый котище (такие гости запросто являлись к Л.Е. – через форточку) плотоядно облизнулся, о чём я тотчас сказал Л. Е., а она потом не раз вспоминала устно и в письмах о моём «доносе» и заверяла, что у kota не могло быть дурных намерений, он же «совсем булгаковский».

Познакомился я с Лидией Марковной в Харькове, в конце 1982 года, в Библиотеке имени В. Г. Короленко, сотрудником которой я был тогда, остаюсь им и ныне. Не помню точно, о чём мы говорили, но, конечно, о Булгакове и о Любви Евгеньевне, и, вероятно, о скором выходе книги Лидии Марковны о Булгакове в «Советском писателе» (Л. Е. с радостью сообщала мне об этом в письме 13 ноября 1982 г.).

Из письма Любви Евгеньевны 27 января 1983 г.:

«Я довольна, что Вы нашли контакт с Лидией Марковной Яновской. Мне она нравится. Вспоминаю, как мы были с ней на Телешовской субботе и мне пришлось неожиданно выступить, и я с удовольствием, пока говорила, видела в публике её улыбающееся лицо. <...> Я с интересом жду книгу Лидии Марковны». И далее, сообщая о своём участии в подготовке сборника булгаковских пьес (вышел в издательстве «Советский писатель» в 1987 г.), Л. Е. пишет: «Есть в этом же издательстве и другие планы, но боюсь о них говорить (пока; учусь у Лидии Марковны)».

Книга Л. М. Яновской «Творческий путь Михаила Булгакова» вышла в 1983 году и стала выдающимся культурным событием, литературоведческой сенсацией. В ней впервые всесторонне, обстоятельно рассмотрен личностно-художественный феномен Булгакова, и этот анализ существенным образом повлиял на формирование новой, по сути уже постсоветской и мировой оценки писателя как классика русской литературы, крупнейшего прозаика и драматурга XX века. И опять-таки, обладая научным потенциалом академической монографии, книга написана отнюдь не в

академическом стиле, это – увлекательное чтение. Не удивительно, что её почти невозможно было достать, а на встречи с автором приходило множество людей.

Одна из таких встреч состоялась в Библиотеке имени В. Г. Короленко. Мне запомнилось, как в самом её начале Лидия Марковна сказала, что она решилась написать эту книгу, когда смогла достичь необходимого уровня знания о Булгакове – такого уровня, который даёт возможность и право отвечать на главные вопросы. И попросила аудиторию не спрашивать о ком-либо и о чём-либо другом, кроме Булгакова и его произведений, его родных и близких. «Я знаю только об этом». Тогда эта просьба меня немного удивила, теперь понимаю: она была проявлением особой требовательности Лидии Марковны к себе как исследователю, который имеет право говорить и писать только тогда, когда владеет материалом, знает, о чём пишет и говорит. Но Лидия Марковна не превращалась в некую «жрицу» тайного знания о Булгакове, её рассказ о многолетних поисках и находках, о работе в архивах и о настоящих больших открытиях запомнился многим. Рассказ этот был освещён подлинной любовью к писателю и его миру, чувствовались душевная теплота, открытость, доверие рассказчика к слушателям.

Успех книги был очевидным. Как водится, вскоре появились завистники. «Добрые люди» распустили по Москве слух о том, что «эта провинциалка» после выхода книги возгордилась, важничает, ведёт себя так, будто теперь именно она – полномочный полпред Булгакова на Земле. В один из моих приездов в Москву Любовь Евгеньевна спросила меня, есть ли хоть капля правды в этих словах. И я рассказал ей об упомянутом выше авторском вечере Л.М. Яновской в библиотеке. Говоря словами Анны Ахматовой, склুবившийся миф был тотчас развеян. О чём, кстати, свидетельствует и дарственная запись автора на ксерокопии, вышедшей в 1979 году в «Ардисе» книги «О, мёд воспоминаний»: «Дорогая Лидия Марковна. Примите книжечку на память. Я голосую за Вас, хотя жаль, что у Вас <в книге есть> кое-какие огрешки. За Вас буду всегда заступаться. Л. Белозерская-Булгакова.14/1 1985 г.». Попутно замечу, что даже слова об отдельных «огрешках» (а их, конечно, не могло не быть в первой большой работе о Булгакове, не говоря уже об увечьях, нанесенных ей советской цензурой) свидетельствуют, что Любовь Евгеньевна эту книгу приняла. Их общение стало ещё более частым, о чём узнавал и я. Например, в письме 12 июля 1984 г. Л. Е. сообщала мне о том, что с нетерпением ждёт возвращения Л. М. Яновской

из Прибалтики: «Как будто она собирается месяц прожить в Москве». Из писем Любви Евгеньевны я впервые узнал об опере «Бег» нашего земляка композитора Валентина Библика. Л. Е. сообщала, что это произведение понравилось Лидии Марковне, побывавшей на прослушивании (по приглашению известного искусствоведа и драматурга А. И. Чепалова).

Увы, через несколько лет, когда уже не было в живых её заступницы, Лидии Марковне пришлось пережить настоящую травлю – только за то, что она, проявив честность и принципиальность, не смолчала, когда убедилась в том, что исчезли уникальные булгаковские документы. Тогда же досталось и мне: после моей публикации в толстом московском журнале – рецензии на первое советское издание воспоминаний Л. Е. Белозерской-Булгаковой, где я присоединился к мнению Любви Евгеньевны о недостоверности многих страниц мемуаров Сергея Ермолинского, на меня тоже обрушился шквал критики, а редакция журнала потребовала от меня объяснений (опубликованы не были). Лидия Марковна сказала мне тогда при встрече: «Исследователь должен твёрдо стоять на стороне правды, если он уверен в том, что у него надёжные источники». Может быть, она выразилась несколько иначе, уже не помню, но за смысловую точность ручаюсь. Лидия Марковна хорошо знала, о чём говорила, не успокаивая, а как бы «закаляя» меня. И я благодарен ей за поддержку. Ныне оценка мемуаров С.А. Ермолинского о Булгакове как очень сомнительного источника общепризнанна, а к «надёжным источникам» относят, в первую очередь, мемуарные свидетельства Л. Е. Белозерской-Булгаковой и Е. С. Булгаковой, тоже осудившей вольный полёт фантазии этого литератора.

И ещё я признателен Лидии Марковне Яновской за поддержку в вопросе о передаче в Харьковскую государственную библиотеку имени В. Г. Короленко 103-х писем академика Е. В. Тарле к Л. Е. Белозерской-Булгаковой (позднее большая их часть была мною опубликована в журнале «Звезда»). Уже передав их, Любовь Евгеньевна поинтересовалась мнением Лидии Марковны, правильно ли она поступила. Лидия Марковна сказала ей тогда: «И хорошо, что передали. Теперь не пропадёт». И рассказала Любви Евгеньевне о Библиотеке имени В. Г. Короленко, одной из крупнейших библиотек тогдашнего СССР, своём «друге и помощнике» (так Л.М. Яновская назвала её в дарственной надписи на титульном листе книги о Булгакове).

Любовь Евгеньевна передала в нашу библиотеку и некоторые другие ценные материалы, позднее образовавшие её личный архивный фонд.

А ныне в Библиотеке имени В. Г. Короленко создаётся личный архивный фонд Лидии Марковны Яновской. Документы и книги из её библиотеки были переданы сыном нашей знаменитой землячки Андреем Яновским.

Примечания

¹ Л.Яновская. Творческий путь Михаила Булгакова. — М.: Советский писатель, 1983.

² Л.Яновская. "Последняя книга, или Треугольник Воланда, с отступлениями, сокращениями и дополнениями". М.: ПРОЗАиК. 2013. ISBN 978-5-91631-189-1

³ Л.Яновская. "Неевклидова геометрия по Михаилу Булгакову". «Союз писателей», Харьков, № 1(3), 2001, или <http://magazines.russ.ru/sp/2001/3/7ja3.html>. В сокращении в кн. "Последняя книга, или Треугольник Воланда, с отступлениями, сокращениями и дополнениями". М.: ПРОЗАиК. 2013. ISBN 978-5-91631-189-1.

⁴ Ещё в 1955 г. издательство "Искусство" выпустило - сравнительно небольшим по тем временам десятитысячным тиражом - две булгаковские пьесы в одной книге - "Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин)", с замечательным большим фотопортретом автора на фронтиспise и многочисленными иллюстрациями на отдельных листах - фотоснимками фрагментов спектаклей (постановки во МХАТе разных лет, Театре им. К. С. Станиславского, Польском государственном театре)" (примеч. И.Лосиевского).

⁵ Здесь и далее: Елена Сергеевна Булгакова.

⁶ Л.Яновская. "...Бросил звание с отличием и писал". "Юность" 3/1977.

⁷ М.Булгаков. Красная корона. Публикация, комментарий Л.Яновской. "Аврора", 6/77. Эта публикация, как и ряд других, ныне доступна всем: <http://dvm19914.wixsite.com/lidiya-yanovskaya/blank-2>.

⁸ Рассказ "Дань благодарения".

⁹ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), где хранится архив М.А.Булгакова.

¹⁰ Краткая поездка Л.Яновской на Северный Кавказ в поисках булгаковских материалов стала ключом к пониманию биографии писателя: впервые "заговорила" первая жена М.Булгакова Т.Н.Лаппа, уединенно проживавшая в Туапсе, впервые были прояснены обстоятельства северокавказского периода жизни писателя и судьба его первых сочинений и пьес: Л.Яновская. "...Бросил звание с отличием и писал". "Юность" 3/1977. Л.Яновская. "Творческий путь Михаила Булгакова". М.: Советский писатель, 1985. Л.Яновская. "Последняя книга, или Треугольник Воланда, с отступлениями, сокращениями и дополнениями", раздел "Размышления у книжной полки".

¹¹ В тексте опубликованной книги "Творческий путь Михаила Булгакова" название рассказа не упоминается.

¹² О встрече Булгакова с Сент-Экзюпери и поспешных выводах булгаковедов см. "Неевклидова геометрия по Михаилу Булгакову". «Союз писателей», Харьков, № 1(3), 2001 или <http://magazines.russ.ru/sp/2001/3/7ja3.html>.

¹³ Рассказ Булгакова "Налет" был впервые опубликован и прокомментирован Лидией Яновской в журнале «Аврора», 1982, № 4.. Эта публикация также доступна: <http://dvm19914.wixsite.com/lidiya-yanovskaya/blank-2>.

¹⁴ М.Чудакова полагала, что "кровавый подбой", то есть, по ее мнению, скрытые грехи и нечистая совесть, имеются и у мастера и, соответственно, у Булгакова. Яновская считала подобные предположения клеветой: см. Л.Яновская. "Творческий путь Михаила Булгакова", М.: Советский писатель. 1985, стр. 310-311. Л.Яновская. «Великолепное презренье...» (Булгаков и Ахматова). Предисл., подгот. текста А.Яновского. Послесл. И.Лосиевского. Toronto Slavic Quarterly #56. Spring 2016: <http://sites.utoronto.ca/tsq/56/Yanovskaya56.pdf>

¹⁵ Очевидно, Е.Б.Букреев, на рассказах которого М.Чудакова построила повествование о гимназических годах и даже о политических пристрастиях юного Булгакова. Подлинные материалы киевских архивов остались вне сферы ее исследований.

¹⁶ Преклоняясь перед подвигом Елены Сергеевны Булгаковой, сумевшей сохранить архив мужа и "пробить" в печать его главный роман, Яновская посвятила этой незаурядной женщине немало страниц своих книг, впервые подготовила к печати ее дневники ("Дневник Елены Булгаковой", сост., текстолог. подгот и коммент. Л. Яновской, вступ. ст. Л. Яновской. – М. : Кн. палата, 1990), впервые раскрыла историю и рижские адреса ее семьи ("Записки о Михаиле Булгакове". - Тель-Авив.: Мога, 1997, "Записки о Михаиле Булгакове. – [3-е изд.]. – М.: Текст, 2007, глава "Королева моя французская"). На основе документов Яновская рассказала и о судьбе Елены Сергеевны после смерти Булгакова, не опускаясь до уровня сплетен ("Последняя книга, или Треугольник Воланда, с отступлениями, сокращениями и дополнениями", глава "Я Булгакова").

¹⁷ Видимо, речь идет о поисках надуманных аналогий между героями произведений Булгакова (в частности, повести "Собачье сердце") и известными деятелями советской верхушки.

¹⁸ О реальных поисках давно исчезнувшей с карты Киева Воздвиженской улицы, где родился М.Булгаков, см.: "Последняя книга, или Треугольник Воланда, с отступлениями, сокращениями и дополнениями", глава "Образ моего отца, пишущего за столом".

¹⁹ Книга так и не вышла в свет. Рукопись хранится в семье автора.

²⁰ Здесь и далее: Л.Яновская. "Творческий путь Михаила Булгакова", М.: Советский писатель, 1983.

²¹ Исследование Яновской об учителях Булгакова было впервые опубликовано после ее смерти и даже после выхода "Последней книги...": Лидия Яновская: «Никто так и не прошел по моим следам...» Пропущенные главы из биографии Булгакова: Учитель словесности. Поиски доносчика. Toronto Slavic Quarterly #54. Fall 2015.

²² Л.Яновская закончила филфак Киевского университета, но начинала учиться на историческом факультете Черновицкого университета.

²³ Пьесе "Адам и Ева" посвящена глава "À propos. Ефросимов или ЕфросИмов?" в "Последней книге...". Глава, как и предчувствовала Яновская, осталась незавершенной.

²⁴ Письма Л.Яновской к Л.Е.Белозерской-Булгаковой опубликованы и подробно прокомментированы: Богданов Н. Н., Курушин А. А. «Булгаков — писатель безграничный». Письма литературоведа Л. М. Яновской ко второй жене писателя Л. Е. Белозерской-Булгаковой. 1974—1985 // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2013. — № 1(21). <http://cyberleninka.ru/article/n/bulgakov-pisatel-bezgranichnyy-pisma-literaturoveda-l-m-yanovskoy-ko-vtoroy-zhene-pisatelya-l-e-belozerskoy-bulgakovoy-1974-1985>

Публикация и комментарии Андрея Яновского